

М. М. Алексеева

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ ИЗ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

(на примере полонизмов в лемковских говорах украинского языка)

Работа представлена кафедрой славянской филологии

МГУ им. М. В. Ломоносова.

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н. Е. Ананьева

Статья посвящена сложным случаям лексического взаимодействия близкородственных языков. Особенности адаптации (морфологической, фонетической, словообразовательной) лексических заимствований из близкородственных языков показаны на примере полонизмов в современных лемковских говорах украинского языка в Польше.

Ключевые слова: *украинские диалекты, лексические заимствования, адаптация заимствований.*

М. Alekseyeva

SPECIFIC FEATURES OF ADAPTATION OF LEXICAL BORROWINGS FROM CLOSELY RELATED LANGUAGES

(based on Polish loan-words in modern Lemko dialects of the Ukrainian language)

The article describes some difficult cases of lexical interaction between closely related languages. Polish loan-words in modern Lemko dialects of the Ukrainian language in Poland are used to demonstrate the specific features of adaptation (morphological, phonetic, derivative) of lexical borrowings from closely related languages.

Key words: *Ukrainian dialects, lexical borrowings, adaptation of lexical borrowings.*

Исследование взаимодействия близкородственных языков призвано выявить специфику такого вида языковых контактов, в частно-

сти специфику процессов лексической интерференции между контактирующими близкородственными идиомами. В настоящей статье

рассматриваются особенности лексического взаимодействия близкородственных языков, а именно особенности адаптации лексических заимствований на примере лексических заимствований из польского языка в лемковских говорах украинского языка.

Лемковские говоры — самые западные украинские говоры — относятся к карпатской подгруппе юго-западного наречия украинского языка. До 1945–1947 гг. их носители (лемки) проживали в Карпатах на границе между Польшей и Словакией, но в 1945–1946 гг. в результате принудительных переселенческих акций большинство лемков было вывезено на территорию Советской Украины. Оставшихся в 1947 г. переселили на западные и северные земли Польши, полученные от Германии. Таким образом, единая группа лемковских говоров прекратила свое существование. Переселенческие лемковские говоры на Украине оказались отрезанными от контактов с польским языком, в то время как лемковские говоры в Польше находятся под постоянным польским влиянием, которое проявляется на всех языковых уровнях [1, с. 44–57]. Сегодня практически все носители лемковских говоров, проживающие в Польше, двуязычны, что способствует дальнейшему усилению польского языкового влияния.

Одним из неизбежных последствий языковых контактов являются лексические заимствования, т. е. лексические единицы одного из контактирующих языков (языка-источника), перенесенные на почву другого языка (языка-реципиента).

Среди лексических заимствований, как правило, различают:

1. Собственно лексические заимствования — перенос иноязычной материальной составляющей слова с сохранением значения или его незначительной модификацией.

2. Лексические кальки, среди которых можно выделить а) словообразовательные кальки, т. е. слова, воспроизводящие структуру иноязычного слова аффиксальными средствами языка-реципиента; б) семантические кальки,

возникающие путем появления у слова нового значения под влиянием семантической структуры иноязычного слова.

При переходе из одного языка в другой заимствованные лексемы, как правило, начинают «жить» по законам принимающего языка: встраиваются в его грамматическую систему, принимают присущие языку-реципиенту грамматические показатели, начинают изменяться по словоизменительным моделям, характерным для языка-реципиента, т. е. проходят этап *морфологической* (грамматической) адаптации заимствований.

Примеры грамматической адаптации полонизмов в лемковских говорах:

А. Существительные. Окончание *-’a* вместо *-e* в Им. ед. = Вин. ед. ср. р. (на **-ije*) — лемк. *p’itsumuvan’a* (пол. *podsumowanie* ‘подведение итогов’); флексия *-u* вместо *-ę* в Вин. ед. ж. р. — лемк. *potancufku* (пол. *potaćcówkę* ‘танцы’); окончание *-i* вместо *-e* и отсутствие морфонологических чередования согласных в Мест. ед. м. р. — лемк. *v dovod’i* (пол. *dowód — w dowodzie w* ‘паспорте’).

Б. Прилагательные. Окончание *-oho* вместо *-ego* в Род. ед. муж. р. — лемк. *ładnoho* (пол. *ładnego* ‘красивого’); флексия *-u* в Им. мн. — лемк. *jednakovu* (пол. *jednakowe* ‘одинаковые’).

В. Глагол. Флексия *-u* вместо *-ę* в 1 л. ед. наст. вр. — лемк. *sprezentuju* (пол. *sprezentuję* ‘подарю’); появление твердого *-t* в окончании 3 л. ед. и 3 л. мн. наст. вр. — лемк. *ne dotyc’yt* (пол. *nie dotyczy* ‘не касается’), *prostujut* (пол. *prostują* ‘исправляют’); флексия *-me* вместо *-my* в 1 л. мн. наст. вр. — *utrymujeme* (пол. *utrymujemy się* ‘содержим себя’).

При взаимодействии близкородственных языков (в частности польского языка и лемковских говоров украинского языка) морфонологическую адаптацию заимствований сильно упрощает то, что многие грамматические категории и показатели в них совпадают или же незначительно различаются. Кроме того, в результате длительных контактов близкородственных языков в них могут возникнуть особенности, сближающие контактирующие идиомы между собой. Так, в результате многовекового взаимодействия с польским языком в лемковских говорах возникли такие черты,

как, например, окончание *-’u* в Местн. ед. у существительных ср. р. (*na pol’u*), гласный *-o* в окончании Твор. ед. существительных мягкого типа м. и ср. р. (*kon’om, doščom, sercom*), флексия *-om* в Твор. ед. существительных и прилагательных ж. р. (*rukom*) [4, с. 195]. Некоторые морфологические особенности лемковских говоров, сближающие их с польским языком, могли сохраниться при поддержке польского языка, например, образование сложных форм прошедшего времени при помощи вспомогательного глагола «быть» (*bešiduvaly zme, zapamjatala m, skin’čyly ste*).

Сходство близкородственных идиомов приводит также к тому, что в определенных формах заимствованного слова необходимость в морфологической адаптации отсутствует*. Применительно к таким случаям можно говорить о нейтральных в отношении морфологической адаптации формах [5, с. 56]. Так, например, в следующих формах полонизмов в лемковских говорах отсутствует необходимость в морфологической адаптации по причине совпадения грамматических показателей: Им. ед. сущ. ж. р. — лемк. *kob’eta* ‘женщина’ (пол. *kobieta*); Род. ед. сущ. м. р. — лемк. *k’erovnyka* ‘начальника’ (пол. *kierownika*); Им. ед. прил. ж. р. — *um’arkovana* ‘умеренная’ (пол. *umiarkowana*); Мест. ед. прил. м. р. — лемк. *v užondovym* ‘в правительственном’ (пол. *w urzędowym*); 1 л. ед. наст. вр. ряда глаголов — лемк. *prypuščam* ‘предполагаю’ (пол. *przypuszczam*) и некоторые др.

Морфологической адаптации иноязычной лексемы сопутствует, как правило, фонетическая адаптация, свидетельствующая о дальнейшем закреплении заимствования в языке-реципиенте. При лексическом взаимодействии двух языков устанавливаются правила фонетической адаптации заимствованных лексем, согласно которым звуки иностранного языка получают регулярное отражение в родном языке. Фонетическая адаптация, таким образом, заключается в приспособлении заимствований к фонетической норме принимающего языка, в замене чуждых принимающему языку элементов звукового состава иноязычной лексемы соответствующими им элементами собственной фонетической системы.

Фонетическая адаптация лексических заимствований может осуществляться: 1) с помощью замены звуков иностранного языка максимально близкими им по звучанию звуками принимающего идиома; 2) в случае взаимодействия близкородственных идиомов — на основании регулярных межъязыковых соответствий. Как отмечал У. Вайнрайх, «с точки зрения двуязычного не имеет значения, откуда взялось сходство двух языков — является ли оно следствием общего происхождения или конвергентного развития. Однако между генетически связанными системами часто встречается особый тип отношений, который можно представить в виде формулы автоматической конверсии...» [2, с. 23] (на основании регулярных соответствий. — М. А.).

Фонетическая адаптация полонизмов в лемковских говорах зачастую основана именно на фонетической конверсии, субституции звуков польского языка их коррелятами в языке-реципиенте — лемковском говоре, например, лемк. *perez* < пол. *przez* (по аналогии, например, с лемк. *vereteno* — пол. *wrzeciono* — парой межъязыковых коррелятов, связанных между собой этимологически).

Не все исследователи, однако, склонны считать подобные случаи фонетической адаптацией. Польский лексиколог Б. Вальчак понимает под фонетической адаптацией только «замену фонем иноязычного слова идентичными или ближайшими с фонетической точки зрения фонемами родного языка» [10, с. 125], т. е. нахождение ближайших звуковых соответствий в фонетической системе языка-реципиента для звуковых единиц заимствованной лексемы. Согласно такой точке зрения, случаи субституции на основании регулярных звуковых соответствий между близкородственными языками не относятся к фонетической адаптации, поскольку такие звуки-корреляты не являются ближайшими звуковыми соответствиями. Вальчак пишет: «Конечно, на двуязычных территориях существует осознание (чувство) наличия регулярных этимологических соответствий... Однако это осознание не учитывается в момент заимствования слов из одного языка в другой» [10, с. 130]. Описан-

ные случаи Б. Вальчак предлагает считать поморфемными кальками, поэлементным «переводом» заимствованного слова.

С одной стороны, Вальчак прав в том, что подобного рода субституции, основанные на регулярных звуковых соответствиях, действительно происходят прежде всего в тех полонизмах, у которых имеются однокоренные лемковские лексемы, т. е. в определенных морфемах.

С другой стороны, утверждение Вальчака о неосознанном процессе заимствования вызывает возражения. Польский диалектолог, исследователь польско-украинских языковых контактов Я. Ригер неоднократно отмечал, что двуязычные носители польских и украинских диалектов имеют представление о важнейших соответствиях между этими родственными языками, например, о связи между польскими неполногласными сочетаниями *to, le, ro, rze* и восточнославянскими полногласными *oio, oro, ere* или рефлексами **o* и **e* в новых закрытых слогах, на основании чего осуществляется адаптация заимствований [8, с. 202].

Об осознанном характере процесса заимствования свидетельствуют случаи ошибочного, гиперкорректного применения автоматической конверсии двуязычными носителями. Так, польский диалектолог, специалист по лемковским говорам З. Штибер писал: «дважды мне довелось услышать, как лемко, говоря попольски, сказал *plowu* вместо *plewu*; он отдавал себе отчет, что русинскому *tolot* соответствует польское *tlot*, но не знал, что в некоторых случаях этому *tolot* может также соответствовать польское *tlet*» [9, с. 9]. Это подтверждает слова У. Вайнрайха: «являясь регулярными, ... конверсии уменьшают расхождения между диалектами, в случае же нерегулярности они представляют собой ловушки» [2, с. 23]. Я. Ригер также приводит примеры гиперкорректной адаптации заимствований в украинских и польских говорах, возможной благодаря осознанию носителями различных существующих межъязыковых соответствий: укр. диал. *w`yżuty* из пол. *wyżać* (при укр. литер. *wyżaty*), пол. диал. *drączek* из укр. *druczok* (при пол. литер. *drążek*), пол. диал. *kęsty* из рус./белор. *kusty* (при пол.

литер. *krzaki*) [7, с. 30]. Объяснение звуковых субституций поморфемным калькированием в подобных случаях не представляется приемлемым, поскольку соответствующих морфем в принимающем языке нет, а это значит, что автоматическая конверсия звуков может срабатывать по аналогии и в случае отсутствия в говоре однокоренных слов. Ср. также примеры А. Кравчик на материале польских говоров на Украине: пол. диал. *kóska* укр. *kicka*, пол. диал. *ragać się* рус. *ругаться*, пол. диал. *obidzać* рус. *обижать* [5, с. 54].

Таким образом, оба фактора (соотносимость морфем и наличие фонетических соответствий) могут учитываться при адаптации заимствований двуязычными носителями близкородственных языков, и зачастую сложно установить, какой именно из них играет решающую роль в том или ином случае. Согласно принятой в настоящей статье точке зрения субституция звуков в заимствованиях на основании межъязыковых соответствий рассматривается в рамках фонетической адаптации, однако ее, как правило, облегчает наличие у заимствования однокоренных морфем в принимающем идиоме.

При фонетической адаптации полонизмов в лемковских говорах возможны, в частности, следующие фонетические изменения: 1) переход в закрытых слогах гласных *o, e*, а также *u*, возникшего на месте этимологического **o*-долгого (в польской графике *ó*), в гласный *i* (украинский икавизм), вследствие чего в парадигме некоторых существительных возникает типично украинское чередование гласных *i-o (i-e)* в закрытых/открытых слогах. Пр.: *dox`id – doxodu* ‘прибыль, доход’ (пол. *dochód – dochodu*), *od`iż-od`eży* ‘одежда’ (пол. *odzież*), *por`id – porodu* ‘роды’ (пол. *poród – porodu*), *samox`id – samoxoda* ‘автомобиль’ (пол. *samochód – samochodu*), *zespil – zespol`i* ‘группа, ансамбль’ (пол. *zespół – zespołu*); 2) субституция носовых гласных *e, a* гласными *a, u*. Пр.: *rjadyty* ‘править, управлять’ (пол. *rządzić*), *pid vzhl`adom* ‘с точки зрения’ (пол. *pod względem*), *zmučenyj* ‘уставший’ (пол. *zmęczony*); 3) изменение польских неполногласных групп из **TorT, TolT, TerT, TelT* в восточнославянские

полногласные сочетания. Пр.: *peres: napysany peres toho d'id'ka* 'написанный кем-то' (пол. *przez*, используется в страдательных оборотах для обозначения действующего лица), *perester'ihaty* 'придерживаться, соблюдать' (пол. *przestrzegać*); 4) диспалатализация согласных перед гласными переднего ряда *e* и *y* < **i*. Пр.: *bespečen'stvo* 'безопасность' (пол. *bezpieczeństwo*), *najperf'* 'сначала' (пол. *najpierw*), *spys* 'перепись населения' (пол. *spis*); 5) замена польского *ż* (графически *rz*), возникшего на месте мягкого **r'*, на *r'* или *r* с отвердением перед гласными переднего ряда *e* и *y* < **i*. Пр.: *prerva* 'перерыв' (пол. *przerwa*), *prester'ihaty* 'соблюдать' (пол. *przestrzegać*), *zdarjaty s'a* 'случаться' (пол. *zdarzać się*); 6) субституция взрывного заднеязычного согласного *g* фрикативным *h*. Пр.: *hospodarka* 'хозяйство, усадьба' (пол. *gospodarka*), *posluhuvaty śa* 'пользоваться' (пол. *posługiwać się*).

Помимо заимствований, адаптированных грамматически и фонетически, в речи двуязычных могут функционировать лексемы, адаптированные грамматически, но сохраняющие при этом фонетические признаки языка-источника. Прежде всего это характерно для начальной стадии функционирования иноязычного слова в языке-реципиенте: *vengl'arku* 'емкость для угля (Вин. ед.)' (пол. *węglarka*); *jaštšemy* 'ястреб (Им. мн.)' (пол. *jastrzębie*); *prundu* (Род. ед.) 'электричество' (пол. *prąd*); *v'ejskыj* 'сельский' (пол. *wiejski*); *gospodarku* 'хозяйство (Вин. ед.)' (пол. *gospodarka*) и др. Следовательно, грамматическая адаптация иноязычной лексемы не обязательно влечет за собой адаптацию фонетическую. Наличие грамматической адаптации у фонетически неадаптированных заимствований позволяет отличить их от иноязычных вкраплений (цитат), сохраняющих как фонетическое, так и морфологическое иноязычное оформление.

Наряду с фонетически адаптированными и неадаптированными заимствованиями в речи билингвов могут также функционировать частично адаптированные заимствованные лексемы, в которых субституции подверглась лишь часть иноязычных элементов. Пр.: *kadydła* (польское сочетание *dł* при изменении

dź > *d* с диспалатализацией перед *i*); *p'el'gžыткы* (мягкий *p'* перед *e* при изменении *žy* > *žы*); *prystovja* (сохранение *o* в закрытом слого при консонантной адаптации *ž* > *r*); *ružnyci* (сохранение *u* < **o* в закрытом слого при отвердении *n*); *žondyw* (нет изменения *ž* в *r'*, сохранение *on* на месте *a* при изменении *dź* > *d* с отверждением перед *e*).

Я. Ригер неоднократно отмечал необходимость отдельного рассмотрения заимствований, не требующих фонетической адаптации, т. е. таких, фонетика которых не нарушает правил принимающего языка. Это замечание особенно важно применительно к лексическим контактам близкородственных языков, фонетический строй которых имеет много общего. Примером заимствований, не требующих фонетической адаптации могут служить следующие полонизмы в лемковских говорах: *bardzo* 'очень' (пол. *bardzo*); *dobra* 'ладно, хорошо' (пол. *dobra*); *kartka* 'лист бумаги' (пол. *kartka*); *nafta* 'керосин' (пол. *nafta*); *obrus* 'скатерть' (пол. *obrus*); *račej* 'скорее, вернее' (пол. *raczej*); *sporo* 'много' (пол. *sporo*); *temat* 'тема' (пол. *temat*); *zal'ička* 'заклад, аванс' (пол. *zaliczka*).

Помимо фонетической и морфологической адаптации полонизмов выделяют также словообразовательную адаптацию, которая заключается в субституции иноязычных аффиксальных морфем словообразовательными средствами родного языка при сохранении корневой морфемы (с/без фонетической адаптации). Как правило, в заимствованиях из близкородственных языков субституция суффиксальных морфем происходит на основании близости их формы и общности значения. Так, например, польскому суффиксу *-ek* функционально соответствует украинский (лемковский) суффикс *-ok*, близкий ему также с точки зрения материального выражения и отвлеченного значения: пол. *wujatek* > лемк. *wujontok*.

Однако в ряде случаев при рассмотрении словообразовательной адаптации в близкородственных языках мы снова сталкиваемся с проблемой двойственной интерпретации – словообразовательная это адаптация или же фонетическая? Дело в том, что многие словообразовательные соответствия возникли в род-

ственных языках благодаря действию соотносимых фонетических законов. Так, правило перехода *o > i* в закрытых слогах и тенденция к отвердению согласных на конце слова привели к появлению в лемковских говорах форманта *-ist*, аналогом которого в польском языке является суффикс *-ość*. Эти фонетические соответствия хорошо осознаются двуязычными носителями и применяются ими при фонетической адаптации заимствованных слов. Следовательно, например, слово *stycń 'ist* 'контакт' может быть истолковано как 1) словообразовательно адаптированный полонизм с меной суффиксов *-ość > ist*; 2) фонетически адаптированный полонизм с субституцией звуков на основании регулярных межъязыковых соответствий. Наиболее убедительной представляется интерпретация подобных случаев как проявления словообразовательной адаптации, подкрепленной при этом наличием регулярных фонетических соответствий. Примеры фонетически обусловленных суффиксальных субституций: *prze > pere* — *pereprašaty* 'извинять' (пол. *przepraszam*), *perester'ihaty* 'соблюдать' (пол. *przestrzegać*), *pereskadzaty* 'мешать' (пол. *przeszkadzać*); *przy- > pry-* — *pryżn 'ity* 'дружить' (пол. *przyjaźnić*

się), *pryjmuvaty* 'принимать' (пол. *przyjmować*), *pryopatky* 'случай, происшествие' (пол. *przypadki*), *pryprovadyty* 'привести' (пол. *przyprowadzić*), *prypuščaty* 'допускать, предполагать' (пол. *przypuszczać*); *pryzyučaity s'a* 'привыкнуть' (пол. *przyzwyczaić się*); *pod- > p'id-* — *p'itsumuvan'a* 'подведение итогов' (пол. *podsumowanie*); *-n'ik- > -nyk-* — *kerovnyk* 'руководитель, начальник', *osadnyk* 'поселенец' (пол. *osadnik*); *zverxnyk* 'начальник' (пол. *zwierzchnik*).

Таким образом, с одной стороны, адаптация лексических заимствований из близкородственных языков, во многом упрощается, благодаря существующему между ними грамматическому и фонетическому сходству. С другой стороны, интерпретация адаптационных процессов заимствованной лексики может быть затруднена, поскольку механизмы адаптации заимствований из близкородственных языков зачастую взаимосвязаны и порой бывает сложно их разграничить, как например, в случае фонетической адаптации, основанной на регулярных межъязыковых соответствиях, и простого словообразовательного калькирования или словообразовательной и фонетической адаптации.

ПРИМЕЧАНИЯ

* В статье принимается во внимание морфологическая адаптация отдельно взятых форм слова. Это особенно важно при изучении диалектной речи двуязычных носителей, так как, во-первых, зачастую в имеющемся диалектологическом материале представлены не все формы лексических полонизмов, а во-вторых, в речи двуязычных носителей могут параллельно встречаться адаптированная и неадаптированная форма лексемы. Следовательно, выводы о наличии/отсутствии грамматической адаптации лексемы в целом можно делать только при учете всех форм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева М. Лемковские говоры в контактах с другими славянскими языками // Славянские диалекты в ситуации языкового контакта. Исследования по славянской диалектологии, 13. М.: Институт Славяноведения РАН, 2008. С. 44–57.
2. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Благовещенск: БГК им. Бодуэна де Куртене, 2000. 264 с.
3. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 206 с.
4. Dejna K. Elementy polskie w gwarach zachodniomałoruskich // Dejna K. Z zagadnień ewolucji oraz interferencji językowej. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1991. S. 189–197.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

5. *Krawczyk A.* Zapożyczenia leksykalne w sytuacji wielojęzyczności. Ukrainizmy i rusycyzmy w gwarze Maćkowiec na Podolu. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2007. 157 s.
6. *Obara J.* Teoretyczne problemy kalkowania. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1989. 128 s.
7. *Rieger J.* Jak badać współczesne słownictwo kresowe? // Studia nad polszczyzną kresową. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Semper, 2004. T. XI. S. 23–33.
8. *Rieger J.* Zapożyczenia i ich funkcjonowanie w języku mniejszości (na przykładzie gwar polskich na Ukrainie i gwar ukraińskich w Polsce) // Z polskich studiów slawistycznych, seria X, Językoznawstwo. Warszawa: KS PAN, 2002. S. 199–205.
9. *Stieber Z.* Sposoby powstawania słowiańskich gwar przejściowych // Prace Komisji Językowej № 27. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1938. 46 s.
10. *Walczak B.* Zapożyczenia leksykalne (formalnosemantyczne) czy kalki? O pewnym typie zapożyczeń w kontaktach języków blisko spokrewnionych // Słowotwórstwo, semantyka i składnia języków słowiańskich. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 1999. T. 1. S. 124–133.